

ЭЛЬ КЕННЕДИ

Цель

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)44
К35

Elle Kennedy
THE GOAL

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.
Дизайн обложки *Е.Климовой*

Кеннеди Э.

К35 Цель: [роман] / Эль Кеннеди; пер. с англ.
Н. Болдыревой. — Москва: Издательство АСТ,
2025. — 384 с. — (Запретное желание).

ISBN 978-5-17-146863-7

Студентка-старшекурсница Сабрина Джеймс спланировала свою жизнь заранее: учеба в колледже, поступление на юридический факультет университета, престижная работа. И в этой жизни точно нет места романтичному хоккеисту, который верит в любовь с первого взгляда. Все же девушка проводит с Джоном Такером одну ни к чему не обязывающую ночь, даже не предполагая, что она изменит ее жизнь.

Джон Такер уверен, что быть частью команды гораздо важнее одиночного успеха. На льду хоккеист готов принимать любые условия, но когда встреча с девушкой мечты переворачивает его жизнь с ног на голову, Такер не собирается отсиживаться на скамейке запасных. Даже если сердце неприступной красавицы остается закрытым для него. Сможет ли парень убедить ее, что в жизни есть цели, которых лучше добиваться сообща?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)44

ISBN 978-5-17-146863-7

В книге упоминается соцсети
метаплатформы Meta Platforms Inc.
Facebook и Instagram, деятельность
которых запрещена на территории РФ.

Copyright © 2016 by Elle Kennedy
© Н. Болдырева, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Сабрина

— Черт. Черт. Черт. Че-е-ерт. Где мои ключи?

Часы в узком коридоре говорят, что у меня есть пятьдесят две минуты, чтобы совершить поездку длительностью шестьдесят восемь минут, если я хочу попасть на вечеринку вовремя.

Я снова проверяю свою сумочку, но ключей там нет. Пробегаюсь по разным местам. Комод? Нет. Ванная? Я только что оттуда. Кухня? Может быть...

Я собираюсь развернуться, когда слышу позади металлическое позвякивание.

— Ты ищешь это?

Я поворачиваюсь и делаю шаг в гостиную, настолько маленькую, что пять предметов потрепанной мебели: два стола, два дивана — один двухместный, другой одноместный — и одно кресло — прижаты друг к другу как сардины в банке. Кусок плоти на диване машет моими ключами. В ответ на мой раздраженный вздох и презрительный взгляд он ухмыляется и запихивает их под прикрывающие задницу треники.

— Иди, возьми их.

Я удрученно провожу рукой по выпрямленным волосам, прежде чем начать атаку на отчима.

— Дай мне мои ключи, — требую я.

Рэй искоса смотрит в ответ.

— Проклятье, ты выглядишь сексуально сегодня. Ты превратилась в настоящую куколку, Рина. Нам с тобой стоит замутить.

Я игнорирую его жирную руку, падающую на промежность. Никогда не видела мужчину, настолько безнадежного, чтобы хвататься за собственное хозяйство. На его фоне Гомер Симпсон кажется джентльменом.

— Мы с тобой не созданы друг для друга. Так что не смотри на меня и *не зови* меня Риной. — Рэй — единственный человек, который называет меня так, и я, мать его, ненавижу это. — А теперь дай мне мои ключи.

— Я же сказал, подойди и возьми.

Стиснув зубы я сую руку под его жирную задницу и пытаюсь нащупать ключи. Этот мерзкий кусок дерьма Рэй хрипит и извивается, пока моя рука не наткнется на металл.

Я вытаскиваю ключи и направляюсь к двери.

— Да что тут такого? — глумится он за спиной. — Мы не родня, так что никаких проблем с инцестом.

Я останавливаюсь, не веря своим ушам, и трачу тридцать секунд своего драгоценного времени, чтобы сказать:

— Ты мой отчим. Женат на моей матери. И... — я подавляю приступ тошноты, — ...и спишь сейчас с бабушкой. Так что дело не в том, родня мы или нет, а в том, что ты — самый мерзкий человек на свете, и ты должен сидеть в тюрьме.

Его карие глаза темнеют.

— Следи за своим языком, девочка, или однажды вернешься домой, а дверь будет заперта.

Плевать.

— Я плачу треть ренты, — напоминаю я ему.

— Ну, может, тебе придется платить больше.

Он снова разворачивается к телевизору, а я трачу еще несколько ценных секунд, представляя, как бью его по голове сумочкой. Оно того стоит.

На кухне бабушка сидит за столом, курит сигарету и читает статьи журнала *People*.

— Ты это видела? — восклицает она. — Ким К. опять голая.

— Какая молодец. — Я хватаю свой пиджак со спинки стула и направляюсь к кухонной двери.

Я обнаружила, что дом безопаснее покидать через заднюю дверь. Обычно на ступенях узких городских домов нашей далеко не богатой улицы в далеко не богатом районе Бостона собирается уличная шпана. Кроме того, за домом располагается парковка.

— Слышала, Рейчел Беркович залетела, — замечает бабушка. — Ей стоило бы сделать аборт, но это противоречит их религии.

Я сильнее сжимаю зубы и поворачиваюсь к своей бабке. Как обычно, она одета в рваный халат и пушистые розовые тапки, но ее крашенные белые волосы идеально уложены, а на лице полный макияж, хотя она редко выходит из дома.

— Она еврейка, бабуль. Не думаю, что это против ее религии, но даже если и так, это ее выбор.

— Наверное, ей нужны дополнительные продовольственные талоны, — делает вывод бабушка, выпуская в мою сторону длинную струю дыма.

Дерьмо. Надеюсь, к тому времени, как доберусь до Гастингса, я не буду пахнуть как пепельница.

— Полагаю, это не та причина, по которой она хочет сохранить ребенка. — Положив одну руку на дверь, я беспокоюсь переминаюсь с ноги на ногу, ожидая паузы, чтобы попрощаться с бабушкой.

— Твоя мать думала сделать аборт, когда была беременна тобой.

Вот оно.

— Ладно, достаточно, — бормочу я. — Я еду в Гастингс. Буду поздно.

Она отрывается от журнала и, прищурившись, окидывает взглядом мою черную вязаную юбку, чер-

ный свитер с короткими рукавами и декольте и трехдюймовые каблукки. Я знаю, что она хочет сказать, еще до того, как бабуля открывает рот.

— Выглядишь вызывающе. Уезжаешь в этот свой модный колледж? У тебя занятия в субботу ночью?

— Это коктейльная вечеринка, — неохотно отвечаю я.

— О, коктейль-шмоктейль. Надеюсь, у тебя губы не треснут целовать там всех в задницу.

— Да, спасибо, бабуль. — Я открываю ключом заднюю дверь и заставляю себя добавить: — Люблю тебя.

— И я тебя, детка.

Она действительно любит меня, но иногда эта любовь такая испорченная, что я не знаю, то ли она мне вредит, то ли помогает.

Мне не удастся доехать до маленького городка Гастингс ни за пятьдесят две, ни за шестьдесят восемь минут. Вместо этого я добираюсь туда полтора часа, потому что дороги просто ужасны. Еще пять минут уходит и на то, чтобы найти место для парковки, и к тому моменту, как я подхожу к дому профессора Гибсон, я натянута как струна... и чувствую себя на пределе.

— Здравствуйте, мистер Гибсон. Прошу прощения за опоздание, — говорю я очкарику в дверях.

Муж профессора Гибсон мягко улыбается мне.

— Не беспокойся об этом, Сабрина. Ужасная погода. Давай я заберу твою куртку. — Он протягивает руку и терпеливо ждет, пока я сражаюсь со своим шерстяным пиджаком.

Профессор Гибсон подходит, когда ее муж вешает мой дешевый пиджак среди дорогих вещей в гардеробе. Он выглядит там так же неуместно, как и я в этом доме. Я запикиваю подальше чувство неполноценности и широко улыбаюсь.

— Сабрина! — радостно восклицает профессор Гибсон. Ее присутствие заставляет меня собраться. —

Рада, что ты добралась в целостности и сохранности. Снег еще не пошел?

— Нет, только дождь.

Она морщится и берет меня за руку.

— Еще хуже. Надеюсь, ты не планируешь возвращаться сегодня в город? На дорогах будет сплошной лед.

Поскольку утром мне нужно на работу, я поеду, невзирая на состояние дорог, но не хочу, чтобы профессор беспокоилась, и ободряюще улыбаюсь.

— Со мной все будет в порядке. Она все еще тут?

Профессор кладет руку мне на плечо.

— Да, и ей не терпится познакомиться с тобой.

Замечательно. Впервые с тех пор, как вошла в дом, я вдыхаю полной грудью и позволяю провести себя через комнату к невысокой седой женщине, в свободного кроя пастельном пиджаке и черных брюках. Наряд так себе, но бриллианты, сверкающие в ее ушах, больше, чем мой палец. Что еще? Она кажется чересчур добродушной для профессора права. Я всегда представляла их суровыми, строгими созданиями. Вроде меня.

— Амалия, позволь мне представить тебе Сабрину Джеймс. Это студентка, о которой я тебе говорила. Первая в классе, работает на двух работах и при этом смогла получить семьдесят семь баллов на вступительных экзаменах в юридической школе. — Профессор Гибсон поворачивается ко мне: — Сабрина, Амалия Фромм, выдающийся знаток конституции.

— Очень приятно познакомиться! — Я протягиваю руку и молю Бога, чтобы она не оказалась влажной на ощупь. Готовясь к этому, я целый час практиковалась пожимать собственную руку.

Амалия слегка сжимает руку, а затем отступает.

— Мать — итальянка, дед — еврей, отсюда и странное сочетание имен. Джеймс — шотландское имя, ваша семья оттуда? — Она окидывает меня взглядом

светлых глаз, и я едва удерживаюсь от того, чтобы не начать теревить свою старую дешевую одежду.

— Не могу сказать, мэм. — Семья моя родом из сточной канавы. Шотландия — слишком приятная и величественная страна, чтобы быть нашей родиной.

Она взмахивает рукой.

— Это неважно. На досуге я балуюсь генеалогией. Итак, ты уже подала документы в Гарвард? Келли сказала, что да.

Келли? Кто такая Келли?

— Она говорит обо мне, дорогая, — говорит профессор Гибсон с мягким смехом.

Мои щеки заливают краска.

— Да, прошу прощения. Я думаю о вас как о профессоре.

— Так официально, Келли! — осуждающе восклицает профессор Фромм. — Сабрина, куда еще ты подала документы?

— Колледж Бостона, Суффолк и Йель, но Гарвард — моя мечта.

Амалия удивленно поднимает бровь в ответ на мой запасной список из трех бостонских школ.

Профессор Гибсон встает на мою защиту.

— Она хочет оставаться ближе к дому. И очевидно, она стоит чего-то большего, чем Йель.

Обе женщины презрительно фыркают. Профессор Гибсон была выпускницей Гарварда, а выпускники Гарварда, безусловно, всегда настроены против Йеля.

— Судя по тому, что рассказала Келли, похоже, что для Гарварда станет честью принять тебя.

— Для меня будет честью стать студенткой Гарварда, мэм.

— Письма о приеме скоро будут отправлены. — Ее глаза сверкают озорным блеском. — Я обязательно замолвлю словечко.

Амалия награждает меня еще одной улыбкой, и я чуть не падаю в обморок от счастливого облегче-

ния. Я не пыталась польстить ей. Гарвард и правда был моей мечтой.

— Спасибо, — наконец хриплю я.

Профессор Гибсон направляет меня к столу.

— Почему бы тебе не поесть чего-нибудь? Амалия, хочу поговорить с тобой о документе Брауна. У тебя была возможность просмотреть его?

Обе отворачиваются, погружаясь в диалог о взаимосвязи между черным феминизмом и расовой теорией — тема, в которой профессор Гибсон является экспертом.

Я бреду к столику с закусками, накрытому белой скатертью и заставленному сыром, крекерами и фруктами. Две мои лучшие подруги: Хоуп Мэтьюс и Карин Томпсон — уже стоят там. Одна темненькая, другая светленькая, они — самые красивые и умные ангелы в мире.

Я подхожу и едва не падаю в их руки.

— Ну? Как все прошло? — нетерпеливо спрашивает Хоуп.

— Думаю, хорошо. Она сказала, что, похоже, для Гарварда будет честью принять меня и что первая часть извещений о приеме скоро начнет приходить.

Я хватаю тарелку и начинаю наполнять ее, желая, чтобы куски сыра были побольше. Я так голодна, что смогла бы съесть целую головку сыра. Весь день нервничала из-за этой встречи и теперь хотела просто упасть лицом в тарелки с едой.

— О, ты создана для Гарварда, — заявляет Карин.

Мы все трое находимся под патронажем профессора Гибсон, которая верит исключительно в поддержку молодых женщин. В кампусе есть еще несколько сетевых организаций, но все ее влияние направлено лишь на продвижение девушек, и я более чем благодарна за это.

Сегодняшняя коктейльная вечеринка организована для ее студентов, чтобы они могли познакомиться с преподавателями самых престижных факультетов

страны. Хоуп хочет заполучить место на медицинском факультете Гарварда, а Карин отправится в Массачусетский технологический.

Ох уж это море эстрогена в доме профессора Гибсон. Кроме ее мужа присутствует лишь пара мужчин. Я действительно буду скучать по этому месту после выпуска. Это был мой второй дом.

— Скрестим пальцы, — отвечаю я Карин. — Если не попаду в Гарвард, тогда будет Бостонский колледж или Суффолк. — Тоже неплохо, но Гарвард практически гарантирует мне работу мечты после выпуска в одной из ведущих юридических фирм страны, или, как у нас говорят, в Большой Юриспруденции.

— Ты поступишь, — уверенно говорит Хоуп. — И, надеюсь, как только получишь письмо о приеме, ты прекратишь убивать себя, потому что... Боже, Би, ты выглядишь напряженной!

Я с трудом поворачиваю голову, разминая шею. Да, я действительно напряжена.

— Знаю. В последнее время у меня жесткий график. Сегодня, например, легла спать в два ночи, потому что девушка, которая должна была закрывать «Ковбойские сапоги», сбежала и оставила меня одну, а потом пришлось встать в четыре, чтобы разобрать почту. Я добралась домой около полудня, отключилась и чуть не проспала.

— Все еще работаешь в двух местах? — Карин убирает с лица свои рыжие волосы. — Ты говорила, что бросишь подработку официанткой.

— Пока не могу. Профессор Гибсон говорит, что в юридической школе не хотят, чтобы мы работали в первый год обучения. Единственный способ иметь достаточно денег на еду и жилье — накопить до сентября.

Карин сочувственно вздыхает.

— Я тебя понимаю. Мои родители взяли такой большой кредит, что на него можно было бы купить небольшую страну.

— Хотела бы я, чтобы ты поселилась с нами, — жалобно добавляет Хоуп.

— Неужели? Вот уж не знала, — шучу я. — С начала семестра ты повторяешь это всего лишь дважды в день.

Она в ответ морщит свой хорошенький носик.

— Тебе бы так понравилось то место, что папа для нас снял! Там окна от пола до потолка, и это прямо у ветки метро. А общественный транспорт... — она загадочно двигает бровями.

— Это очень дорого, Эйч.

— Ты же знаешь, я бы покрыла разницу... Точнее, мои родители, — поправляется она. У семьи этой девушки денег больше, чем у какого-нибудь нефтяного магната, но, глядя на нее, этого не скажешь. Она такая же практичная, как и мы.

— Знаю, — говорю я, заглатывая куски мини-сосисок. — Но я буду чувствовать вину, потом вина может перерасти в обиду, и затем мы перестанем быть подругами, а перестать быть твоей подругой — это отстой.

Она качает в ответ головой.

— Если когда-нибудь твоя упрямая гордость позволит тебе попросить о помощи, я буду тут.

— Мы будем тут, — вклинивается Карин.

— Видите? — Я указываю вилкой то на одну, то на другую. — Вот почему я не могу жить с вами, девочки. Вы непомерно много для меня значите. Кроме того, это мне на руку. У меня сбережений почти на десять месяцев до начала занятий следующей осенью. У меня есть эти деньги.

— Хотя бы приди выпить с нами, когда все это кончится, — умоляет Карин.

— Мне еще домой ехать, — я скроила кислую мину. — Я заступаю в смену завтра и сортирую посылки.

— В воскресенье? — с удивлением спрашивает Хоуп.

— Оплата в полтора раза выше. Я не смогла отказаться. На самом деле я скоро должна буду уехать. — Я ставлю тарелку на стол и пытаюсь взглядом окинуть происходящее за большим эркерным окном. Я вижу лишь тьму и росчерки дождя по стеклу. — Чем скорее я поеду, тем лучше.

— Только не по этой погоде. — Профессор Гибсон появляется у моего локтя с бокалом вина. — Сообщили о гололеде: температура падает, и дождь превращается в лед.

Один взгляд на лицо моего куратора, и я понимаю, что должна отступить. Что я и делаю, но с большой неохотой.

— Хорошо, — говорю я, — но я выражаю протест. И вам... — я указываю вилкой на Карин, — лучше приберечь мороженое в морозилке на тот случай, если мне придется остаться с вами, а то я точно разозлюсь.

Мы смеемся. Профессор Гибсон идет дальше, оставляя нас одних как троицу лучших старшекурсников. Через час общения мы с Хоуп и Карин хватаем наши пальто.

— Куда идем? — спрашиваю я девчонок.

— Д'Андре в «Мэлоуне», и я обещала встретиться с ним там, — отвечает Хоуп. — Ехать всего две минуты, так что все будет в порядке.

— в «Мэлоуне»? Но это же бар для хоккеистов, — хнычу я. — Что Д'Андре делает там?

— Пьет и ждет меня. Кроме того, тебе нужно с кем-то переспать, а спортивный — твой любимый типаж.

Карин фыркает.

— Скорее, единственный.

— Эй, — возражаю я, — у меня есть очень веские причины, чтобы предпочитать спортсменов.

— Знаю. Мы это слышали. — Она закатывает глаза. Если хочешь получить ответ на статистический вопрос, обращайся к ботаникам. А если желаешь удовлетворить физические потребности, иди к спортсме-

нам. Тело — инструмент профессиональных атлетов. Они заботятся о нем и знают, как добиться совершенства, бла-бла-бла. — Левой рукой Карин изображает болтливый рот.

Я показываю ей средний палец.

— Но заниматься с тем, кто тебе нравится, намного приятнее, — говорит Хоуп, которая встречается с Д'Андре, своим парнем-футболистом, с младших классов.

— Мне они нравятся, — возражаю я, — час или около того, пока я их пользую.

Мы хихикаем над этим, но затем Карин вспоминает парня, который понизил планку.

— А ты помнишь Грэга «Десять секунд»?

Ее слова заставляют меня поежиться.

— Во-первых, большое спасибо, что напомнила мне об этом ужасе, во-вторых, я не говорю, что среди них нет «бракованных». Просто с атлетами шансы выше.

— А хоккеисты тебе подходят? — спрашивает Карин.

Я пожимаю плечами.

— Не могу знать. Я не вычеркнула их из списка потенциальных партнеров не из-за успехов в постели, а потому что они сверхпривилегированные засранцы, получающие снисхождение от профессионалов.

— Сабрина, детка, ты должна дать им шанс, — настаивает Хоуп.

— Не-а. С хоккеистами я не играю.

— Боже, посмотри, что ты упускаешь. — Карин развратно проводит языком по губам. — А парень с бородой? Я хочу знать, на что это похоже. Борода — в списке моих невыполненных желаний.

— Ну так дерзай. Мой бойкот хоккеистов оставляет тебе больше шансов.

— Вполне согласна, но... — Она ухмыляется. — Нужно ли мне напоминать, что ты переспала с той шлюхой Дином Лаурентисом?

Фу. Вот об этом мне *никогда* не стоит напоминать.

— Во-первых, я была пьяная вдрызг, — ворчу я. — Во-вторых, это было на втором курсе. И, в-третьих, именно поэтому я поклялась держаться подальше от хоккеистов.

Хотя в колледже Брайара и есть лидирующая футбольная команда, он известен прежде всего благодаря хоккеистам. Парни на коньках тут возведены в ранг богов. Обсуждаемый субъект: Дин Хейвард Ди Лаурентис. Он учится на политологическом, как и я, у нас было несколько общих курсов, в том числе по статистике на втором году обучения. Этот курс был чертовски сложен. Все очень старались.

Все, кроме Дина, который спал с ассистенткой преподавателя.

И она поставила засранцу «отлично», чего он совершенно *не* заслужил. Я знаю это наверняка, потому что последнее задание мы выполняли в паре, и я видела, какую чушь он написал.

Когда я узнала, что он сдал на «пять», мне захотелось отрубить ему член. Это было так несправедливо. Я пахала как лошадь весь курс. Проклятье, да я везде пашу как лошадь! Все мои достижения заработаны кровью, потом и слезами, в то время как какая-то задница имеет все на блюдечке. Да пошел он!

— Она снова злится, — Хоуп театрально шепчет Карин.

— Она думает о том, как Ди Лаурентис получил «отлично» на том курсе, — так же громко твердит Карин в ответ. — Ей правда нужно с кем-то переспать. Когда был последний раз?

Я уже собираюсь снова заткнуть ее, как вдруг понимаю, что не могу вспомнить.

— Ну... был Мейер, игрок в хоккеей на траве. Это было в сентябре. И после был Бо... — Я засияла. — Ха! Видите? Всего лишь чуть больше месяца назад. Едва ли это глобальная катастрофа.

— Детка, с твоим расписанием недопустимо *месяц* жить без секса, — возражает Хоуп. — Ты — ходячий комок нервов, а это значит, что тебе нужен хороший трах по меньшей мере... каждый день, — заключает она.

— Через день, — возражает Карин. — Дайте киске отдохнуть.

Хоуп кивает.

— Хорошо. Но сегодня — никакого отдыха киске!

Я фыркаю от смеха.

— Слышала, Би? Тебя покормили, ты выпалась днем, а теперь тебе нужно немного секса, — заявляет Карин.

— Но... «Мэлоун», — осторожно повторяю я. — Мы только что установили, что это место кишит хоккеистами.

— Не только. Готова спорить, Бо там. Хочешь, спрошу у Д'Андре? — Хоуп поднимает телефон, но я качаю головой.

— Бо займет слишком много времени. Захочет, например, поговорить во время секса. А я хочу сделать дело и уйти.

— Разговоры? Это звучит пугающе.

— Прекрати.

— Заставь меня, — Хоуп встряхивает головой, задевая меня длинными косами, а затем выходит из дома профессора Гибсон.

Карин пожимает плечами и следует за ней, после секундного замешательства я иду следом. К тому моменту как мы подходим к машине Хоуп, наши пальто мокрые насквозь, но мы идем, накинув капюшоны, чтобы ливень не добрался до волос.

Я действительно не в настроении общаться с парнями сегодня, но не могу отрицать, что подруги правы. Недели мучений и напряженной работы дают о себе знать: несколько последних дней я определенно чувствовала... зуд. Тот зуд, унять который можно